

Джордж Цебелис

В ЗАЩИТУ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

(Из книги: George Tsebelis, *Nasted Games: Rational Choice in Comparative Political Science*, Chapter 2. Copyright © 1990 The Regents of the University of California)

Рациональность — это не более чем оптимальное соответствие между целями и средствами. Но, поскольку трудно представить политические процессы без какого-либо соотношения целей и средств, данное определение может показаться тавтологичным, бессодержательным и столь тривиальным, что его не стоит и обсуждать.

Такое впечатление было бы ложным. Во-первых, рациональный выбор — вовсе не единственный возможный подход к политике. Ниже я покажу, что есть достаточно пространный список альтернативных подходов. Так, например, в теориях системного подхода и структурного функционализма не принимаются во внимание индивидуальные акторы, а в теориях, подобных психоанализу, социальной психологии и бихевиорализму, акторы не считаются рациональными. Во-вторых, мое определение рациональности — не столь уж бессодержательно, как может показаться на первый взгляд; мы увидим, что из него вытекает немало требований к акторам. В частности, рациональный актор должен быть последовательным (не иметь противоречащих друг другу представлений или желаний), принимать решения на основе расчета вероятностей и взаимодействовать с другими акторами по правилам, предписываемым теорией игр. Поэтому вопрос должен был бы состоять не в том, способны ли люди отступить от рациональности, а в том, возможна ли такая рациональность в принципе. В действительности, критика теории рационального выбора обычно вменяет ей в вину отнюдь не тривиальность, а как раз отсутствие реализма; по мнению критиков, рациональные акторы не существуют и, по всей видимости, не могут существовать. Такие возражения также будут рассмотрены ниже. Я попытаюсь показать, что имеются веские причины, по которым политические акторы *должны* быть рациональными (нормативный подход), а

также дополнительные основания, позволяющие исследовать их на основе теории рационального выбора (позитивный подход). В заключение будут суммированы принципиальные преимущества теории рационального выбора.

Чем не является теория рационального выбора

Можно выделить две широкие группы теорий, не признающих соответствия между целями и средствами. Для теорий, относящихся к первой группе, акторы не являются единицей анализа; теории же второй группы изучают акторов, но не считают их рациональными.

Теории без акторов. Системный анализ (Easton, 1981a), структурализм (Holt, 1967), функционализм правого (Parsons, 1951) и левого толка (Holloway и Picciotto, 1978), теории модернизации (Apter, 1965) — лишь наиболее известные примеры такого подхода. Социальные и политические явления объясняются ими в духе холизма, с точки зрения системы в целом. Хотя существование рациональных акторов не отрицается, изучение принимаемых ими решений объявляется второстепенной, неважной задачей. Вескими признаются лишь причинные или функциональные объяснения. Иными словами, характеристика процессов и структур либо выводится из предыдущих процессов и структур, либо строится на их последствиях, опять-таки для процессов, структур и системы в целом.

Угол зрения, под которым данные теории подходят к объяснению общественных феноменов, существенно отличается от используемого в теории рационального выбора. Тем не менее иногда удается перевести исследовательские программы из одной методологической плоскости в другую. Например, экономическая модернизация имеет политические следствия (Kautsky, 1971), поскольку вызывает к жизни экономические интересы, выражаемые политическими коалициями. Успех таких коалиций в реализации своих целей зависит от ограничителей, заложенных в существующих структурах, или же от действий других коалиций. Точно так же потребность в политическом порядке в странах третьего мира (Huntington, 1968) может быть отнесена на счет особой группы акторов (обычно — элит), заинтересованных в определенных формах политической организации. Приведенные примеры показывают, что в принципе существует возможность перехода с индивидуального на обобщенный уровень

анализа и наоборот. Тщательный анализ принимаемых акторами решений иногда позволяет понять, почему сходные предшествующие условия порождают различные результаты, что еще раз подтверждает плодотворность подобного перехода. Но такая возможность имеется не всегда. Рассмотрим, к примеру, следующее утверждение Л. Козера (Coser, 1971): «Конфликты, возникающие внутри бюрократических структур и между ними, представляют собой средство избежать окостенения и ритуализации, которыми чревата данная форма организации».¹ Приведенный тезис может иметь двоякий смысл: в одном случае — это сравнительная констатация, приписывающая системам, лишенным бюрократических конфликтов, высокие уровни окостенения и ритуализации и наоборот; в другом — попытка *объяснить* существование конфликтов путем указания на их функцию. В первом понимании тезис поддается эмпирической проверке, так что его можно признать истинным или ложным. Но он не претендует на роль объяснения. Слова "представляют собой средство избежать окостенения и ритуализации" поддаются замене на «снижают вероятность», и подобную эмпирически наблюдаемую закономерность можно объяснить с помощью теории рационального выбора. А вот во втором понимании тот же самый тезис нельзя перевести на язык теории рационального выбора, ибо мы не имеем актора, цель которого состояла бы в избегании окостенения и ритуализации; «система» — это отвлеченное понятие, покрывающее собой совокупность индивидов с различными, противоречащими друг другу интересами и целями. Поэтому возникновение бюрократических конфликтов не может быть объяснено их благотворным воздействием на бюрократические структуры. Оно должно быть понято как совокупность поведенческих практик, каждая из которых преследует особые цели.

Всякий раз, когда теории без акторов переводимы в теорию рационального выбора, я прибегаю к усеченным объяснениям, или объяснениям по принципу черного ящика. Суть этого метода — в отказе от детального описания механизмов функционирования социальных и политических явлений, что позволяет выделить нечто существенно важное на макросоциальном уровне. Если же перевод невозможен, это означает, что мы не наблюдаем никаких микросоциальных механизмов, соотносимых с результатами процесса в целом. Тогда мы не можем выделить причину наблюдаемого феномена. Такие случаи называют *«ложной корреляцией»*.

Возможность перевода исследовательских программ с одного языка на другой особенно важна с точки зрения принципа

методологического индивидуализма, согласно которому все социальные явления могут — и должны — объясняться на основе действий индивидов, осуществляемых в рамках определенных ограничений. Дж. Элстер (Elster, 1983) утверждает, что данный принцип — особое проявление присущего любой науке редукционизма.

Промежуточное положение между теориями с рациональным актором и теориями без актора занимает позиция, согласно которой политические процессы являются следствием действий неформальных социальных общностей: классов или групп. Эти общности рассматриваются как рациональные (в смысле соотношения между целями и средствами, о котором шла речь выше), но само их происхождение не объясняется на рациональной основе. Возьмем, к примеру, экономические и социальные конфликты. Можно было бы сосредоточить внимание на конфликтах между различными группами рабочих или, скажем, на конфликтах между отраслями промышленности (каждая из которых объединяет рабочих и капиталистов). Вместо этого, Маркс стал рассматривать рабочий класс и буржуазию как совокупных акторов, стремящихся максимизировать свое благосостояние (среднюю зарплату в случае рабочих и среднюю норму прибыли в случае капиталистов). При таком подходе оказывается, что классовая борьба — движущая сила истории — вытекает из того факта, что общий объем дохода в каждый момент времени ограничен и должен быть распределен между двумя классами. Заметим, что труд и капитал здесь рассматриваются как совокупные акторы, причем конкуренция капиталистов из-за рынков сбыта, равно как и конкуренция рабочих из-за рабочих мест, просто выносятся за скобки — во всяком случае, в наиболее упрощенных вариантах данной модели.² Не принимается во внимание и конфликт между отраслями промышленности. Конечно, по мере своего развития марксистская теория может обратиться и к подобного рода проблемам (Przeworski и Wallerstein, 1982; 1988). Но полученные в итоге результаты способны сильно изменить сам ее облик..

Теории с нерациональным актором Цели актора не могут быть источником его нерациональности: *de gustibus non est disputandum* Цели могут быть эгоистическими или альтруистическими, идеалистическими или материалистическими. Источником нерациональности в любом случае является разрыв между целями и средствами, т.е. отход от данного выше определения рациональности.

Такой разрыв может произойти двояким образом: либо как следствие импульсивного действия, либо за счет существования

некоего глубинного источника иррациональности (Boudon, 1986: 294). Исследование обоих видов иррациональности идет из психологии и может быть, в свою очередь, разведено на два вида. К первому из них относятся теории, направленные на объяснение действий, имеющих импульсивный или аффективный характер (к примеру, объяснение революций, предлагаемое теорией «относительной депривации» — Gurr, 1971). Теории данного вида предполагают, что отклонения от рационального расчета могут быть не только установлены и объяснены сторонним наблюдателем, но и признаны самим актором. Но, как я покажу ниже, подобного рода иррациональное поведение не может быть систематическим и даже сколь-нибудь регулярным.

В теориях второго вида в качестве мотивов иррационального поведения выступают теоретические конструкты, иногда лежащие вне поля зрения как наблюдателей, так и акторов — «инстинкт подражания» (Габриэль Тарде), «ложное сознание» (Фридрих Энгельс), «подсознательное» (Зигмунд Фрейд), «хабитус» (Пьер Бурдьё), «национальная культура» (Гэбриэл Алмонд и Сидней Верба) или такие силы, как «противодействие переменам» и «инерция».³

Опять-таки, подобные теории иногда можно перевести в теорию рационального выбора. Я полагаю, что некоторые действия кажутся иррациональными лишь потому, что мы неудачно выбираем познавательную перспективу. Например, Сэмюэл Попкин и Роберт Бэйтс объясняют обычаи и поведение, наблюдаемые в аграрных обществах, на основе теории рационального выбора, в то время как Джеймсу Скотту для решения этой задачи понадобилась концепция «моральной экономики».⁴ А. Бхадур (Bhaduri, 1976), давая объяснение «сопротивлению переменам», т.е. противодействию западнобенгальских крестьян технологическим инновациям, которые увеличили бы производительность труда, указывает на то, что результатом нововведений стало бы уменьшение долгов и, соответственно, сокращение зависимости бедных от богатых — поэтому, защищая свои долгосрочные интересы, богатые землевладельцы и возражают против них.

Бывает и так, что теория рационального выбора позволяет представить независимые переменные, выделенные в трудах представителей других школ, как зависимые, а тем самым — объяснить полученные в этих трудах результаты. К примеру, Будон использует простую модель рационального выбора для объяснения одного из наиболее загадочных заключений, сделанных в книге «Американский солдат», — того, что летчики, которые часто получали повышение, были менее удовлетворены своим

положением, чем военные полицейские, чьи шансы на повышение были гораздо скромнее.⁵ По Будону, индивиды понимают особенности системы и затрачивают усилия в соответствии с таким пониманием. Если вероятность вознаграждения мала, ожидаемая полезность усилий, направленных на его достижение, оказывается отрицательной и люди перестают их прикладывать. Но если она велика, то люди пытаются заслужить награду, и те, кому это не удается, испытывают неудовлетворение.

Сходным образом Ф. Конверс (Converse, 1969) использует модель обучения для разработки исключительно элегантного и точного ($R^2=0.86$) объяснения некоторых различий между «гражданскими культурами», описанными Алмондом и Вербой (Almond и Verba, 1963) на материале пяти стран. Согласно оценкам Конверса, партийная идентификация усваивается через участие в демократических институтах. Чем дольше существуют такие институты, тем более устойчива идентификация. Это простое объяснение, введенное в контекст истории пяти стран, и объясняет разницу в устойчивости идентификаций, которую Алмонд и Верба выводят из особенностей «гражданских культур». Более того, фактор времени позволяет объяснить различия между поведением старых и молодых избирателей, а также избирателей разного пола (в большинстве рассматриваемых стран женщины лишь относительно недавно получили право голоса).

Сам Конверс использует модель обучения, а не рационального выбора. Но его выводы легко переводимы на язык рационального выбора. По утверждению Конверса, время само по себе — не причинный фактор, но оно характеризует некий процесс, происходящий *во времени*, обучение. Если заменить обучение на Бэйесов процесс обновления,⁶ то открывается возможность объяснить заключения Конверса в рамках теории рационального выбора. Люди старшего поколения имеют более сильные приоритеты по той причине, что они усвоены как результат долгого опыта (т.е. большого количества релевантных событий).

Пересмотреть свои установки им было бы трудно. Приоритеты молодых людей не так сильны, и каждое новое событие играет свою роль в формировании их представлений и установок. В этом смысле к молодежи близки женщины тех стран, где они получили право голоса лишь недавно.⁷ В результате чуждые теории рационального выбора описания исторических событий переводятся в ее концептуальные рамки.

Следует повторить, что теория рационального выбора — не единственный возможный подход к политическим явлениям; существуют и другие, либо не принимающие во внимание акторов

при изучении социальных и политических феноменов, либо не признающие за ними способность оптимизировать способы достижения своих целей.

Перевод исследовательских программ из одной методологической плоскости в другие возможен не всегда. Если такой перевод в теорию рационального выбора возможен, но не реализован, следует обратиться к усеченным объяснениям, или объяснениям по принципу черного ящика. Если же он невозможен, как мы видели на примере утверждения Козера, возникают ложные корреляции.

Чем является теория рационального выбора

Попытаемся теперь выявить смысл зафиксированного в определении рациональности соответствия между целями и средствами. Нужно различать две группы условий рационального действия: *мягкие условия рациональности* и *жесткие условия рациональности*.

Первая из них обеспечивает внутреннюю непротиворечивость предпочтений и представлений; вторая вводит критерий внешней обоснованности (т.е. соответствия между представлениями и реальностью). Даже мягкие условия рациональности иногда бывает не так-то просто соблюсти. Именно поэтому и встает вопрос (на нем я остановлюсь в следующем разделе) о том, насколько правдоподобно и методологически плодотворно допущение о рациональности акторов.

Мягкие условия рациональности

Рассмотрим следующие условия рациональности: (1) отсутствие противоречащих друг другу представлений и предпочтений; (2) транзитивность предпочтений; (3) соответствие принимаемых решений аксиомам вероятностного расчета. Первые два момента касаются поведения рационального актора в ситуации определенности, в то время как третий определяет его поведение в условиях риска.

Защита любой аксиоматики (в данном случае, совокупности условий, определяющих рациональность) обычно предполагает доказательство того, что ее положения (условия) правдоподобны. Но можно представить и систему доказательств, раскрывающих нежелательные следствия отхода от этих положений. Такие аргументы тем убедительнее, чем более катастрофическими оказываются последствия. В нижеследующем рассуждении нежелательные или катастрофические последствия выражены в

денежных суммах. Преимущество использования денег в качестве меры желательности последствий состоит в том, что при этом становятся очевидными «объективные» последствия того или иного выбора для благосостояния индивидов. Это не исключает возможности выразить все мои аргументы в неких абстрактных единицах полезности или в каких-то других неденежных единицах измерения удовлетворенности.

Отсутствие внутренне противоречивых представлений и предпочтений. В формальной логике есть два релевантных утверждения. Согласно первому, соединение утверждения и его отрицания есть противоречие.⁸ Согласно второму, из ложной посылки можно вывести любое следствие. Если исходить из того, что представление равнозначно утверждению, то получится, что из внутренне противоречивых представлений вытекают какие угодно следствия. Более того, если представления актора внутренне противоречивы, он вообще не способен рассуждать.⁹ Если же полагать, что предпочтение равнозначно утверждению, то соединение двух законов логики опять-таки указывает, что из внутренне противоречивых предпочтений вытекают какие угодно следствия. Иными словами, актор с внутренне противоречивыми предпочтениями может сделать любой выбор.

Надо заметить, что в данном случае внутренне противоречивыми должны быть представления или предпочтения, которых актор придерживается *одновременно*. Требование отсутствия внутренне противоречивых представлений или предпочтений, стало быть, не исключает изменения представлений и предпочтений во времени или даже в зависимости от контекста. Поэтому данное условие мягче, нежели аксиома о «независимости иррелевантных альтернатив», согласно которой актор всегда выбирает одну из двух возможностей независимо от того, существуют ли другие или нет (Arrow, 1951).

Транзитивность предпочтений. Аксиома о «транзитивности предпочтений» гласит, что если актор предпочитает альтернативу А альтернативе В и альтернативу В — альтернативе С, то он с необходимостью предпочитает альтернативу А альтернативе С.¹⁰ Доказано, что из актора с нетранзитивными предпочтениями можно сделать «денежную трубу», т.е. выкачать из него большую сумму денег (Davidson et al., 1954). Доказательство таково: предположим, что некто предпочитает А — В, В — С, и С — А. Если у него уже есть А, то можно побудить его обменять А на С с доплатой, скажем, в один доллар. Потом его можно побудить к обмену С на В, опять-

таки за доллар, а после этого — В на А, снова за доллар. В результате он остается с тем, что имел сначала (А), но лишается при этом трех долларов. Во время каждого из обменов актер что-то приобретал, следуя своим предпочтениям. Но вследствие нетранзитивности этих предпочтений он в конечном счете оказался беднее. И если «денежная труба» продолжает действовать, то актер может «улучшать» свое положение, пока не умрет от голода. Соблюдение двух описанных выше условий является неотъемлемой составляющей любой ситуации рационального выбора, ибо лишь в этом случае актер способен максимизировать собственную выгоду. Третье условие рациональности касается той объективной функции, которую стремятся максимизировать рациональные акторы.

Соответствие аксиомам вероятностного расчета. Данное положение более предыдущих противоречит интуитивным ожиданиям и с трудом поддается доказательству. Но все же нельзя обойтись без характеристики объективной функции, максимизировать которую стремится рациональный актер. В настоящей работе я исхожу из допущения, что максимизируется ожидаемая полезность, т.е. полезный результат определенных событий, помноженный на вероятность этих событий.¹¹ Имеется в виду, что если некто делает ставку, полагая, что вероятность выигрыша, помноженная на размер ожидаемого приза, равняется вероятности проигрыша, помноженной на его ожидаемую величину,¹² и если в его расчетах нарушаются правила вероятностного расчета, то он неизбежно проиграет свои деньги. Важность данного положения, с точки зрения рассматриваемой нами проблемы, состоит в указании на то, что отклонение актора от аксиом вероятностного расчета ведет к проигрышу вне зависимости от того, как реально разворачиваются события, причем проигрыш — это цена, которую актер платит за непоследовательность собственных представлений. Я пока отвлекаюсь от того, соответствуют ли даваемые актором оценки вероятности событий тому, насколько часто они происходят в действительности. Вероятность событий может недооцениваться или переоцениваться актором, в зависимости от его пессимистического или оптимистического настроения. Но единственный отклоняющийся случай — это когда играют не на деньги, т.е. ожидаемая полезность игры равна нулю. Во всех описанных выше ситуациях индивиды несут наказание за пренебрежение правилами последовательности. Некоторые из этих правил, вроде непротиворечивости и транзитивности, интуитивно представляются вполне удовлетворительными и ясными. Другие,

вроде соответствия аксиомам вероятностного расчета, противоречат интуиции и могут показаться неправдоподобными. И тем не менее, любое отклонение от этих правил есть нарушение мягких условий рациональности, неминуемым следствием которого будет потеря денег.

Рассматривая мягкие условия рациональности, я не касался событий, происходящих в реальном мире. Предполагалось, что представления должны быть внутренне последовательными, но вопрос об их соответствии реальному миру не ставился, и наказания определялись независимо от того, что в этом мире происходит. Например, представление о неминуемом нашествии марсиан ненаказуемо, если индивид последовательно действует согласно таким представлениям, т.е. готовится к вторжению. Чтобы исключить подобные ситуации, необходимо рассмотреть внешние условия рациональности.

Жесткие условия рациональности

Жесткие условия рациональности устанавливают соответствие между представлениями и поведением, с одной стороны, и состоянием реального мира, с другой. Ниже будут рассмотрены особенности представлений, вероятностей и стратегий, подтверждающие необходимость соблюдения трех жестких законов рациональности:

- 1) стратегии взаимно оптимальны в условиях равновесия, т.е. в таких условиях акторы действуют в соответствии с предписаниями теории игр;
- 2) в условиях равновесия вероятности приближаются к объективной частоте событий;
- 3) в условиях равновесия представления приближаются к реальности.

Эти законы легче вывести одно из другого в обратном порядке. Для начала обратим внимание на ограничение — «в условиях равновесия» — фигурирующее в каждом из них. Такое ограничение нужно по двум причинам. Первая из них — негативная: теория рационального выбора не выделяет динамику, она не объясняет путей, ведущих акторов к равновесию.¹³ Вторая причина — позитивная: равновесие определяется как ситуация, выйти из которой не стремится ни один из акторов. Поэтому, каким бы способом ни было достигнуто равновесие, рациональные акторы будут в нем пребывать.

Соответствие предписаниям теории игр. Фундаментальным для

теории игр является положение об эквilibриуме (равновесии) Нэша.¹⁴ Эквilibриум позволяет актерам использовать *взаимно оптимальные стратегии*: комбинация стратегий такова, что ни у одного из них нет стимула изменить сложившееся положение. Из данного определения следует, что в игре может быть несколько точек эквilibриума. Нужно лишь выбрать наиболее разумную из них.¹⁵ Если же разумных точек эквilibриума тоже несколько, то это затруднит взаимодействие акторов, ибо тогда каждый из них будет придерживаться стратегии, ведущей к более выгодному для него эквilibриуму, и общее равновесие нарушится.¹⁶ Кроме того, какой-то из акторов может отклониться от своей прежней равновесной стратегии, избежав при этом наказания¹⁷, тем самым побуждая других модифицировать свои стратегии — либо потому, что их положение ухудшилось, либо потому, что у них появился шанс выиграть больше. В обоих случаях, отклонение от эквilibриума ведет к новому взаимному приспособлению акторов, и в конечном счете происходит восстановление прежнего равновесия или достижение нового эквilibриума Нэша.

Таким образом, понятие эквilibриума Нэша является необходимым (но не достаточным) условием стабильности исходов взаимодействия. Ситуация не будет стабильной, если вследствие стремления одного из акторов модифицировать свою стратегию нарушается эквilibриум. В этом смысле, понятие эквilibриума в контексте теории рационального выбора становится тавтологичным.¹⁸ Помимо эквilibриума, комбинаций взаимно оптимальных стратегий просто не существует.

Приближение субъективных вероятностей к объективной частоте событий. Это условие также связано с анализом равновесия.

Согласно теории игр, по мере достижения равновесия представления акторов постепенно модифицируются в соответствии с правилом Бэйеса, т.е. каждый из игроков в наиболее полной мере использует как свои прежние вероятностные оценки, так и информацию, поступающую из внешней среды. Если оценки не соответствуют тому, насколько часто в действительности происходят события, то актер в состоянии со временем повысить их точность путем пересмотра. Предположим, некто полагает, что подброшенная в воздух монетка будет падать «орлом» или «решкой» с равной вероятностью, и ставит на «орла». Предположим также, что монетка — фальшивая, так что вероятность выпадения «орла» составляет лишь одну треть. Убедившись, что ставка на «орла» понижает возможность выигрыша, игрок пересмотрит оценки вероятности и поставит на «решку».

*Приближение представлений к реальности*¹⁹. В подтверждение данного условия также приводятся аргументы, исходящие из понятия эквилибриума. Модификация представлений по мере достижения равновесия происходит согласно правилу Бэйеса, так что в каждый отдельный момент актер способен выбрать стратегию, оптимальную с точки зрения его нынешних представлений. Взаимная оптимальность стратегий акторов, соответствующая их представлениям, ведет к тому, что каждый из них располагает информацией о представлениях другого. Если в процессе игры кто-то из акторов не модернизирует свои представления, он может стать объектом эксплуатации со стороны своего оппонента, осознавшего, что ложность представлений соперника открывает путь для улучшения собственного положения. В такой ситуации либо один из акторов модифицирует свои представления, либо второй изменит стратегию, поэтому данная ситуация не является эквилибриумом.²⁰ Иными словами, жесткие условия рациональности предполагают, что представления и поведение должны не только быть последовательными, но и соответствовать реальности (в равновесии) Наказанием за отход от жесткой рациональности будет понижение уровня благосостояния.²¹

Все доказательства, относящиеся как к мягким, так и к жестким условиям рациональности, имеют нормативный характер. Они показывают, что поведение *должно* соответствовать предписаниям теории игр или правилу максимальной ожидаемой полезности; в противном случае актер проигрывает. Можно признавать, что с нормативной точки зрения эти требования истинны, и в то же время отказывать теории рационального выбора в способности описывать реальный мир на следующем основании: действительно, в идеальном рациональном мире люди должны поступать — и поступают — в соответствии с предписаниями теории рационального выбора, но реальный мир не таков. В реальном мире люди нередко готовы платить за собственные ошибки или за свои представления. Даже если бы им и хотелось следовать предписанным теорией правилам, они просто не смогли бы осуществить все требуемые расчеты — ведь даже в простых играх вычислить эквилибриум Нэша не так-то просто, а с приближением к реальным ситуациям такие вычисления достигают астрономической сложности.²²

Есть ли какие бы то ни было основания верить, что теория рационального выбора не только нормативна, но и, пользуясь терминологией Кейнса, позитивна?²³ Иными словами, можно ли полагать, что люди не только *должны*, но и *действительно* поступают в соответствии с требованиями теории рационального

выбора? Ниже я попытаюсь ответить на эти вопросы.

Реалистична ли теория рационального выбора?

Преимущества теории рационального выбора

Даже если признать, что акторы и правда стремятся к достижению наилучших результатов в каждой из возможных ситуаций, зачем доводить дело до его логического конца и приписывать им рациональность? Зачем вдаваться в своих рассуждениях в такую крайность и при этом называть ее разумным приближением к реальности? Какой смысл всеми силами избегать объяснений, включающих иррациональные факторы или ошибки?

Принимая во внимание тему настоящей работы, зачем удивляться тому, что люди способны к неоптимальным решениям, а потом еще изобретать понятия, позволяющие такие решения объяснять?

Почему бы не признать просто-напросто, что актер нерационален или что он допускает ошибку каждый раз, когда, по мнению наблюдателя, избирает неоптимальное направление действий?

Почему бы не устроить эксперимент на проверку допущения о рациональности и не отвергнуть его, если окажется, что выбор акторов неоптимален — как это и сделали в экспериментальной психологии? Прямо говоря, «зачем забивать себе голову изобретением эпициклов ради спасения теории рационального выбора»?²⁹ На то имеется несколько причин.

Допуская, что акторы ведут себя рационально, обществовед совершает теоретическую редукцию, и в то же время формулирует свои исследовательские намерения. Редукция имеет место постольку, поскольку многие процессы — обучение, познание или же механизмы социального отбора — замещаются их итогами. При этом не утверждается, что в действительности люди приходят к своим рациональным решениям путем использования математических формул, выработанных в теории решений или в теории игр.

Имеется в виду, что использование таких формул позволяет ученому просто и методично просчитать эти решения. Формулирование

исследовательских намерений заключается в том, что ученый получает возможность сконцентрироваться на других факторах, влияющих на социальные явления или обуславливающие их. Теория рационального выбора уделяет основное внимание факторам, *ограничивающим* действия рациональных акторов, т.е. социальным институтам. То, что теория рационального выбора изучает не индивидуальных акторов, а социальные и политические институты, может показаться парадоксом. Но объясняется он просто: индивидуальное действие рассматривается как адаптация к институциональной среде, в то время как взаимодействие между индивидами считается взаимно оптимальным. Значит, преобладающие институты (правила игры) определяют поведение акторов, которое, в свою очередь, влечет за собой некие политические или социальные следствия.

Основные преимущества теории рационального выбора перед другими подходами таковы: теоретическая ясность и экономичность; анализ равновесия; широкое использование дедуктивного подхода; взаимозаменяемость индивидов.

Теоретическая ясность и экономичность. Теоретическая ясность и экономичность — это, пожалуй, наиболее явное преимущество теории рационального выбора перед другими подходами. Объяснения формулируются в терминах институционального анализа, а не психологии или познания. Признано, что к тем или иным результатам ведет сознательный выбор, а не ошибки. При таком подходе роль ошибок фактически сводится к нулю. Если предсказанное теорией поведение не наблюдается, мы не имеем возможности сослаться на ошибки при объяснении результата. Тогда приходится констатировать, что несоответствие между теорией и реальностью — продукт несостоятельности самой теории, а не ошибочных действий акторов. Поэтому заключения теории рационального выбора легче подвергнуть эмпирической проверке, чем выводы большинства других теоретических подходов. Кроме того, круг возможных в рамках данной теории объяснений сужается за счет ее отказа принимать в качестве объяснений ссылки на ошибочное поведение.³⁰ Хотя теория рационального выбора и не может объяснить все, доступные ей объяснения отличаются исключительной теоретической ясностью и экономичностью.

Анализ равновесия. Важным методологическим следствием теории рационального выбора является то, что она позволяет рассматривать явления в *сравнительной статике*. Повторяющиеся социальные и политические феномены, с точки зрения этой теории, существуют в

равновесии, а это значит, что можно изучать и сравнивать свойства различных равновесных состояний. Поведение «в эквilibриуме» предполагает, что у индивидов, совершающих повторяющиеся действия, нет стимулов к изменению стиля поведения. Данное допущение прямо соответствует допущению о рациональности как таковому: если стимул к перемене поведения (т.е. к улучшению собственного положения) возникает, значит, прежнее поведение не было оптимальным по определению.

Анализ равновесия используется тремя способами. Во-первых, к нему прибегают для того, чтобы выявить оптимальную для актора линию поведения <...>. Во-вторых, анализ равновесия позволяет решать проблемы, связанные со множественными условиями, и формулировать поддающиеся эмпирической проверке прогнозы. Если какой-то параметр модели меняется, то один из акторов соответствующим образом модифицирует свое поведение; это побуждает к изменениям второго актора; тогда первый вновь меняет поведение, и так до бесконечности. Только на основе понятия равновесия можно предсказать, каков будет конечный итог данного процесса. Подобный прогноз иногда может противоречить интуитивно ожидаемому исходу, ибо без помощи математического инструментария человеку трудно решать связанные со множественными условиями проблемы типа «что произойдет при увеличении параметра x ?»³¹ Скажем, что произойдет, если увеличить наказание за какой-то вид преступлений? Интуитивно мы могли бы заключить, что такие преступления будут совершаться реже. Однако теория игр показывает, что в ситуации равновесия подобное изменение правил игры не влияет на поведение преступников; напротив, меняется поведение полиции.³²

В-третьих, анализ равновесия позволяет опровергать альтернативные объяснения. Достаточно вспомнить теории, с точки зрения которых повторяющиеся модели — это ошибки, вроде денежного миража в кейнсианской экономической науке, или обычаи и ритуалы, как нередко утверждается в культурной антропологии, или символы, как доказывают многие политологи. Согласно теории рационального выбора, концепции, исходящие из неоптимальности поведения, в лучшем случае неполны, а в худшем — ошибочны.

Дедуктивный подход. В рамках теории рационального выбора аргументация формализована, т.е. строится в соответствии с математическими или логическими принципами. Преимущество состоит в том, что формализованная аргументация (если, конечно, она правильна) удерживает истинность. Заключение, выводимые из

теоретических моделей, воспроизводят истинность, содержащуюся в исходных допущениях. Иными словами, теорему нельзя оспорить — хотя можно возражать против принятых в ней допущений. В порядке провокации можно заметить, что модели рационального выбора тавтологичны. Но такие тавтологии не тривиальны, и формулируются отнюдь не без усилий. Вероятно, один из главных и недвусмысленных уроков, которые можно извлечь из «парадоксов» рационального выбора, в том и состоит, что отсутствие строгости мышления нередко ведет к ложным заключениям.³³

Поскольку модели рационального выбора тавтологичны, они имеют две отличительные особенности. Во-первых, если основанные на модели рационального выбора прогнозы оказались неверными, нужно модифицировать изначальные допущения. Ведь заключение достигнуто путем применения строгого и удерживающего истину метода, так что в нем нет ничего, что не содержалось бы в исходных посылах. Разумеется, логическая строгость присуща не только формальным моделям, но в таких моделях расчеты осуществляются механически и потому легко поддаются проверке. Ошибочное предсказание ведет к немедленному отказу от ложной посылки, а не к спорам о логике рассуждения.

Во-вторых, тавтологичность моделей рационального выбора обуславливает такое их свойство, как способность к накоплению знания. Причина заключается в том, что даже те модели, предсказания которых ошибочны, в сущности «правильны». Как только построена модель, сразу же становится общеизвестным, что определенная совокупность допущений ведет к определенному результату и что соответствие между теорией и реальностью достижимо путем модификации существующих или привлечения дополнительных допущений. Вот почему работы К. Эрроу и Р. Маккелви послужили стимулом к появлению целого потока трудов по проблемам институтов.³⁴

По моему мнению, использование дедуктивного подхода окажет важное и долговременное воздействие на развитие политологии. До сих пор наиболее распространенная в политологии познавательная процедура складывалась из следующих этапов: эмпирическое установление того, что некое событие регулярно повторяется; выявление этой регулярности с помощью статистических методов; разработка правдоподобного объяснения, согласующегося с природой регулярности. Дедуктивный метод теории рационального выбора однозначно свидетельствует о том, что заключительная часть процедуры (выдвижение правдоподобных аргументов, обосновывающих наблюдаемую регулярность) — не есть теоретическое рассуждение. Ни один из шагов правдоподобного

индуктивного рассуждения не удерживает истину в полном объеме, и то, что мы теряем в ходе такого рассуждения, может быть столь же или даже более ценным, чем конечный вывод.

Взаимозаменяемость индивидов. Поскольку единственное допущение, которое теория рационального выбора делает относительно акторов, — это их рациональность, других характеристик или идентичностей они лишены. Они взаимозаменяемы.³⁵ Но можно ли взаимозаменить французского коммуниста и итальянского христианского демократа? Куда при этом девается история? Что происходит с культурой? С местными традициями? Что же это за объяснение, исключаящее все, что действительно имеет значение?

Верно, что исторические, хронологические, культурные, расовые и прочие уточняющие характеристики сами по себе не входят в объяснения, предлагаемые теорией рационального выбора. Но «связь между историческими наблюдениями и общей теорией в ходе сравнительного исследования поддерживается путем замены собственных имен социальных систем на переменные» (Przeworski и Teune, 1970: 25). Замена этнических или расовых характеристик целями акторов или порождающими их институтами предполагается не только исследовательской программой теории рационального выбора. Если итальянцы циничны, немцы склонны к подчинению, а мексиканцы не доверяют власти, то, как показывает «Гражданская культура», это происходит не потому, что они итальянцы, немцы или мексиканцы. Мы уже видели, что некоторые заключения Алмонда и Вербы можно объяснить, исходя из существующих институтов и допущения о рациональности.

Рассмотрим конкретную категорию взаимозаменяемых акторов — читателей. С точки зрения теории рационального выбора, результаты объясняются оптимальным выбором акторов в каждой данной ситуации. Удачное объяснение такого рода выделяет господствующие институты и прочие характеристики контекста, в котором действует актер, в результате чего читатель убеждается, что в подобной ситуации он сделал бы аналогичный выбор.

Но, собственно, в этом и состоит понятие *Verstehen* (понимания), играющее центральную роль в веберовской концепции обществознания. Вебер различает два вида *Verstehen* — прямое понимание на основе наблюдений и интерпретативное понимание, «стремящееся выделить 'мотивацию' или конечную причину поведения путем 'погружения действий в постижимый и более широкий контекст смысла'» (Dallmayr и McCarthy, 1977: 21).

Позитивистская традиция отвергла понятие интерпретативного

понимания на том основании, что оно предполагает «эмфатическую идентификацию», «личностный опыт» или «способность к интроспекции», а значит — представляет собой субъективный процесс или метод (Abel, 1948; Rudner, 1966). Более того, основанные на *Verstehen* объяснения являются лишь потенциальными, ибо они устанавливают возможность определенных связей или взаимоотношений, но не поддаются эмпирической проверке, поскольку эмфатически объясненный феномен неповторим. По тем же причинам понятие *Verstehen* было с готовностью воспринято герменевтической традицией в обществознании (Taylor, 1965).

Из моего понимания *Verstehen* следует, что понятие было отвергнуто позитивистами и воспринято герменевтиками слишком поспешно и на ложных основаниях. Взаимозаменяемость индивидов, т.е. понятие *Verstehen*, как оно применяется здесь и в других работах, опирающихся на теорию рационального выбора, неуязвимо для позитивистской критики: понимание определяется не субъективной психологической способностью к сопереживанию, а применением ясных правил оптимального поведения в условиях существующих ограничений.

Кроме того, тезис о проверяемости строится на гносеологическом постулате о симметрии между объяснением и предсказанием (Hempel, 1964). -эта гносеологическая позиция отвергнута многими философами науки (Scriven, 1962). Можно предсказывать, не объясняя (очевидные примеры — прогнозы погоды или динамики рынков), можно и апостериори объяснять непредвиденные ранее события (например, предупредительные войны). Возникающие время от времени уникальные социальные явления поддаются объяснениям, даже если ввиду неповторимости самих явлений эти объяснения не могут послужить основой для предсказаний. Но такие объяснения не менее научны, чем поддающиеся проверке положения, из которых вытекают прогнозы. А значит, взаимозаменяемость индивидов, или акторов, равно как и их взаимозаменяемость с читателем — это не недостаток теории рационального выбора, а источник ее силы. Именно в том и состоит сознательное усилие, направленное на распространение норм научного исследования на обществознание.³⁶

Вот почему гипотеза о рациональности занимает особое место среди гипотез теории рационального выбора. Фактически, она представляет собой ключевое понятие всей исследовательской программы. Подобные понятия И. Лакатос именуется «негативно эвристическими» (Lakatos, 1970), имея в виду, что они не могут подвергнуться модификации без отказа от исследовательской

программы в целом. Чтобы избежать этого, исследовательские программы содержат своего рода «пояс безопасности», состоящий из дополнительных — «позитивно эвристических» — гипотез, призванных обеспечивать неприкосновенность ключевых понятий. Такие вторичные гипотезы можно модифицировать для устранения несоответствий между теорией и действительностью. По сути дела, Лакатос утверждает, что мы не можем экспериментально полностью подтвердить или опровергнуть изолированные гипотезы. Такому тестированию можно подвергнуть лишь совокупности гипотез. Если тест дает отрицательный результат, то нужно отвергнуть по меньшей мере одну из гипотез, входящих в совокупность, но мы не всегда знаем, какую именно. На этом этапе и возникает необходимость отказаться от каких-то «позитивно эвристических» гипотез во имя сохранения «негативно эвристических».

Все модели, формулируемые мною в терминах теории рационального выбора, строятся на двух допущениях — о рациональности акторов (как она была определена выше) и о существовании определенных институциональных структур. Совокупно, эти допущения ведут к объяснениям и предсказаниям. Если такие объяснения и предсказания оказываются ошибочными, следует модифицировать какие-то из исходных допущений. Как следует из концепции «негативно эвристических понятий» Лакатоса, в рамках исследовательской программы теории рационального выбора модификации должны затрагивать описания институциональных структур, *а не допущение о рациональности*. Поскольку это допущение представляет собой ядро теории рационального выбора и экономической науки, а также имплицитную основу большинства направлений в политологии, нет смысла подвергать его сомнению каждый раз, когда мы сталкиваемся с аномальным явлением.

<...>Разного рода загадочные феномены и аномалии следует рассматривать не как нечто иррациональное, а как результат систематических воздействий со стороны факторов контекста или институциональных факторов. Как только мы принимаем их во внимание, поведение акторов становится понятным.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что в рамках теории рационального выбора индивидуальное поведение предстает как оптимальная реакция на условия среды или на поведение других акторов. Удачное рационалистическое объяснение должно описать существующие институты и имеющиеся контексты так, чтобы не только убедить читателя в оптимальности предпринятых актором действий, но и заставить его признать, что в сходной ситуации он бы

сам поступил аналогичным образом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Elster, 1983: 59.
2. В некоторых работах Маркс поднимает проблему коллективных игроков (капиталистов и рабочих), хотя и не обсуждает процессы взаимодействия между ними. Наиболее известный пример — анализ падения нормы прибыли в «Капитале», который может быть представлен как разновидность «игры», известной как дилемма узника. См. Boudon, 1977.
3. Критический анализ некоторых таких теорий можно найти в Barry, 1978.
4. См. Popkin, 1979; Bates, 1983; Scott (1976). Работу Скотта можно интерпретировать и таким образом, будто она раскрывает структурные причины стремления крестьян избегать риска.
5. См. Boudon, 1979. Первоначальная публикация результатов — в Stouffer, 1965.
6. Бэйесово обновление информации имеет место тогда, когда индивид модифицирует свои прежние оценки вероятности в соответствии с разработанной Бэйесом формулой, согласно которой чем сильнее приоритеты, тем меньше они поддаются изменениям под влиянием противоречащей им информации (Skyrms, 1986).
7. Сходный анализ понятия партийной идентификации с позиций теории рационального выбора можно найти в Fiorina, 1981, Calvert и McKuen, 1985.
8. Фактически, это Аристотелев закон исключенного среднего, формально представляемый как $p \wedge (\neg p) = F$, где F обозначает ложное суждение.
9. К. Поппер (Popper, 1962) использует этот аргумент для обоснования неправомерности диалектического мышления, признающего противоречия.
10. Сходный принцип транзитивности рассматривается в логике как условие способности рассуждать.
11. Строго говоря, нет оснований считать, что правило принятия решений должно входить в определение рациональности. На самом деле, можно использовать разные правила, делая на их основе разные прогнозы. Например, для объяснения процесса голосования некоторые исследователи использовали критерий минимаксации сожалений (см. Ferejohn и Fiorina, 1974; обсуждение этой статьи — в «Американском обозрении политологии», 1975, том 69, с. 908-960). Применялись и другие критерии — максиминизации (Luce и Raiffa, 1975), смешанный (Tsebelis, 1986), многоэтапный (Levi, 1980). Но все же подавляющее большинство исследователей, придерживающиеся теории рационального выбора, исходят из того, что рациональные акторы максимизируют ожидаемую полезность. Данная работа — не исключение.
12. С технической точки зрения, ожидаемая полезность таких ставок равна нулю, поскольку в этом случае, если неподдельная монета падает «орлом», то выигрыш равен одному доллару, а если «решкой» — то таков же проигрыш. При жульнической игре, если вы разгадали ее закономерности, выигрыш может дать, скажем, пять долларов, тогда как проигрыш будет по-прежнему стоить одного. Заметим, что такие условия гораздо более выгодны для игрока, чем в существующих лотереях или при игре в рулетку.
13. В повторяющихся играх возможны несколько *путей* к равновесию, так что даже если актер время от времени меняет свое поведение, равновесие не нарушается.

14. Nash (1951). Джон Нэш — один из создателей теории игр.
15. В этом и состоит проблема уточнения введенного Нэшем понятия эквilibриума. В литературе предложен ряд ее решений — совершенные эквilibриумы (Selten, 1975), надлежащие эквilibриумы (Myerson, 1978), последовательные эквilibриумы (Kreps и Wilson, 1982), стабильные эквilibриумы (Kohlberg и Mertens 1986). Обсуждение того, как эти разновидности эквilibриума Нэша соотносятся друг с другом, можно найти в Van Damme, 1984.
16. Простой пример такой ситуации дает игра «цыплят», где два водителя либо идут на обгон одновременно, причем каждый из них полагает, что второй уступит, либо, напротив, оба уступают друг другу.
17. Но и награды за такое поведение не следует. Исходная позиция в этой ситуации не была равновесной, так что актору просто не важно, придерживается ли он стратегии эквilibриума или какой-то иной. В играх со смешанной стратегией такое безразличие — норма.
18. Такой подход преобладает среди теоретиков игр. Доказательство того, что в одновременных играх рациональные решения могут быть достигнуты лишь на основе эквilibриума Нэша, можно найти в Bernheim, 1984; Pearce, 1984; в особенности — в Bonanno, 1988. Причина споров по данной проблеме состоит в том, что в последовательных играх расчет эквilibриума включает в себя контрфакты, то есть условия, ложные по определению. Промежуточную позицию по вопросу о совершенном эквilibриуме можно найти в Binmore, 1987.
19. Данное допущение близко к тому, что в экономической литературе известно под названием «рациональных ожиданий» (см. Muth, 1961; Lucas, 1982).
20. Существует еще одна ситуация, характеризующаяся отсутствием воздействия представлений на поведение, а значит — и отсутствием стимулов к изменению представлений. Я полагаю, что такие представления безобидны, и отвлекаюсь от их обсуждения. Наиболее близким примером была бы вера в Бога (но не примыкающие к ней моральные императивы).
21. Напомню, что все эти доказательства могут быть пересказаны с использованием абстрактной полезности вместо денежных единиц. Тогда следовало бы говорить о сокращении полезности, а не благосостояния.
22. Вопрос о сложности стратегических расчетов лишь недавно стал предметом серьезных исследований. См. Kalai и Stanford (1988); Rubinstein, 1986; Abreu, 1986.
23. Дж. Кейнс (Keynes, 1891: 34-35) проводит различие между «позитивной наукой» как «корпусом систематического знания о наличном» и «нормативной или регулятивной наукой» как «корпусом систематизированного знания критериев должного».
24. «Народная теорема повторяющихся игр» гласит, что в играх с неполной информацией возможен широкий спектр исходов.
25. Противоположный случай, когда выигрыш акторов возрастает при увеличении числа сделавших аналогичный выбор (примером может служить приобретение программного обеспечения), называется *синергетическим эффектом*. Показано, что в таких случаях искушенные акторы имитируют поведение неискушенных, так что последние диспропорционально сильно воздействуют на возникающий эквilibриум (Haltiwanger и Waldman, 1985).
26. Исход приближается к оптимальному при условии, что в составе выборки с самого начала присутствовал компонент, способный к оптимальному выбору.

27. Разница между пятым и третьим аргументами состоит в том, что в пятом акторы принимают решения независимо друг от друга, в то время как в третьем — предвосхищая поведение других и соответствующим образом меняя собственную стратегию. Кроме того, в третьем аргументе предполагалась предвзятость неискушенных акторов, в пятом же распределение акторов по признаку принятия некой основной ценности имеет равномерный характер.

28. Я подчеркиваю слово «систематический» по той причине, что без такого уточнения исключение составили бы теории национальной культуры или политической социализации. Рациональность как систематическая характеристика оспаривалась двумя способами. Первый из них связан с рядом работ (Tversky и Kahneman, 1981, Kahneman и Tversky, 1979; Kahneman et al., 1984), экспериментально показавших наличие важных отклонений от правила максимизации ожидаемой полезности при условии большой редкости исходов или предельно высокой полезности (например, в вопросах жизни и смерти). Второй из них — это так называемый «удовлетворительный подход» (Simon, 1957; March, 1978; Nelson и Winter, 1982), предполагающий, что из возможных альтернатив люди выбирают не самый лучший, а «достаточно хороший» вариант, отвечающий неким требованиям. Вопрос состоит в том, придерживаются ли люди своего выбора или отказываются от него в условиях, когда возникает более привлекательная альтернатива. Если придерживаются, то между теорией рационального выбора и «удовлетворительным подходом» нет несоответствия — в первом случае понятие оптимизации относится ко всей совокупности альтернатив, в то время как во втором имеется в виду их ограниченный набор. В применении к одинаковым совокупностям альтернатив два этих подхода дают тогда одинаковые результаты (Riker и Ordeshook, 1973). Но если в действительности происходит отказ от предыдущего выбора, то результаты применения двух подходов различны, и соответствующие исследовательские программы не поддаются переводу одна в другую. Достоинством отмеченных выше способов отрицания рациональности как систематической характеристики является их эмпирическая достоверность. Однако в своей нынешней форме они выступают как возражение против отдельных моментов теории рационального выбора, а не в качестве теоретических альтернатив.

29. Изобретение целого ряда эпициклов было предпринято с целью объяснения аномалий, порождаемых геоцентрической системой. Примерно то же самое наблюдалось накануне открытия теории относительности: аномалии объяснялись астрономами со ссылкой на «скрытые планеты», якобы влияющие на движение небесных тел.

30. В некоторых статьях по теории игр «ошибки» или слабые пертурбации используются для исследования обеспечивающих стабильность свойств эквилибриумов Нэша (Selten, 1975).

31. Здесь возникает резонный вопрос — если расходящиеся с интуицией решения достижимы аналитиками на основе теории игр, то как же решают проблему сами акторы? Ответ состоит в том, что в реальных играх теоретические расчеты — это лишь один из возможных способов предусмотреть результаты развития ситуации в целом. Другие способы — эволюционный, основанный на обучении, и статистический — тоже позволяют реальным акторам решить эту проблему.

32. Подобная простая и правдоподобная игра между полицией и преступниками представлена и решена в Tsebehs, 1989. При условии эквилибриума, изменение

поощрений и наказаний одного из акторов воздействует на поведение другого. В частности, ужесточение уголовной ответственности ведет к снижению интенсивности полицейского патрулирования.

33. Теорема Эрроу (Arrow, 1951) вызвала всеобщее удивление именно потому, что людям никогда не приходила в голову мысль о взаимной несовместимости пяти введенных Эрроу тривиальных и безобидных ограничений. Работа Р. Маккелви (McKelvey, 1976), показавшая универсальность правила мажоритарных циклов, имела сходный эффект. Вообще, ценность многих результатов применения теории игр обусловлена их неожиданностью. А объясняется это тем, что результаты взаимодействия между рациональными акторами часто непредсказуемы.

34. См. Arrow, 1951; McKelvey, 1976. Более поздние работы по проблеме институтов — Shepsle, 1979; Shepsle и Weingast 1984; Riker, 1980; Schwartz, 1985.

35. Но взаимозаменяемость обеспечивается лишь при сходстве их вкусов. Вообще говоря, вкусы не являются предметом объяснения теории рационального выбора. Правда, порожденные разницей во вкусах степени свободы могут использоваться для того, чтобы описывать в качестве «рационального выбора» буквально что угодно. Например, можно объяснять поведение избирателей тем, что сам акт голосования вызывает у них удовлетворение (Riker и Ordeshook 1968). Показано, что такое объяснение — тавтология (Barry, 1978). В своих объяснениях я пытаюсь избежать проблемы вкусов ссылкой на то, что вкусы моих акторов «стандартны». Стандартным вкусом политических акторов является, например, их стремление быть избранными на новый срок, ибо только на этой основе можно достичь любых иных политических целей. Скажем, активисты британской лейбористской партии имеют собственные идеологические предпочтения, но они не настолько сильны, чтобы ради них стоило бы пожертвовать возможностью избрания лейбориста в парламент; бельгийские элиты имеют свои предпочтения по поводу политических исходов, но они опять-таки не настолько сильны, чтобы ради них отказаться от избрания на новый срок; каждая из французских партий стремится улучшить собственные позиции на выборах, но лишь при условии, что при этом не сокращаются шансы коалиции, к которой она принадлежит.

36. Сходный анализ понятия *Verstehen* можно найти в Scharpf и Ryll, 1988.